

мамочка

-есть у меня

Мама - самая красивая

Мама - самая любимая

Ты у меня есть одна

Моя мама

Лучше всех моя мама

Другой нет такой

Нарощи

мам



Марина РЯБОЧЕНКО

г. Москва

Письма

Иногда запаздывают...

рассказ

«Дорогая мамочка!
С праздником День 8 Марта!
Я хорошо учусь!
Лена. 1-а класс».

«Любимая мамочка!
С 8 марта!
Желаю здоровья и счастья!
Лена. 2-а класс».

«Здравствуй, мамочка!

Вчера к нам пришла Мария Николаевна. Папа сказал, что она будет моей мамой. А я заплакала. Она недобрая, и я не хочу ее любить. Папа сказал, что ты нас разлюбила и уже не вернешься. А я ему не верю.

Твоя дочка Лена».

«Здравствуйте, мама!

Извините, что пишу вам. Я долго думала, но решила написать письмо, чтобы у вас был мой новый адрес.

Я теперь живу у дяди Пети и тети Лиды. Помните, дядя Петя — двоюродный брат папы? Прошлой весной, в мае, они приезжали к нам в гости со своими дочками отдохнуть на море. Жили у нас почти месяц в летнем домике, потому что в доме живут постояльцы. Тетя Лидя очень возмущалась, что я не хожу в школу, а батрачу на постояльцев.

А Мария Николаевна кричала, что она работает, а я большая девочка и могу помочь со стиркой и уборкой и обязана следить за младшим братом.

Тетя Лида сказала, что пятнадцатилетней девочке нужно учиться, а не таскать тяжелые тазы с бельем и перемывать грязную посуду за отдыхающими. Тогда Мария Николаевна стала страшно ругаться, кричать, что это не их собачье дело, что ей, матери, виднее, что мне лучше. А если они такие умные, то могут забирать меня, потому что ей нахлебники не нужны. Вот они меня и забрали.

У дяди Пети и тети Лиды большая квартира, три комнаты. Я живу вместе с сестрами Леной и Маринкой. Они намного младше меня, но хорошие и веселые. Дядя Петя отвел меня в вечернюю школу. Учиться трудно, потому что «учеба запущенная», сказал классный руководитель. Но я стараюсь, тетя Лида помогает с математикой — она для меня самая трудная. Тетя Лида очень вкусно готовит. У нее есть швейная машинка, она сшила мне два красивых платья.

Мне здесь хорошо. Но я скучаю по морю. И волнуюсь за папу. Мария Николаевна часто кричит на него, может и ударить. Она и меня иногда била. За то, что я безрукая.

В первый раз я очень плакала. Я разбила трехлитровую банку с вареньем. Мария Николаевна сказала, что ее нужно спустить в погреб. Я разбила не потому, что безрукая. Лестница в погреб крутая, в погребе темно, а я боюсь мышей. Вот и уронила нечаянно. Мария Николаевна так разозлилась, что стала вся красная и била меня мокрым полотенцем по лицу. Я тогда была маленькая, и мне было очень обидно, а сейчас я взрослая и понимаю, что испортила два кило сахара да еще ягоды. Она потом часто меня била, а теперь срывает зло на папе. А папа очень хороший. Он давно не плавает, а работает сторожем в винодельческом хозяйстве. Он никогда ни на кого не кричит. Все время сидит за столом около кухни. Там очень разросся виноград, всегда тенисто и прохладно. Иногда папа выпивает вина, а потом сидит и раскачивается как маятник. Мне кажется, что я пишу вам письмо, а он там раскачивается и раскачивается. Я ему написала несколько поздравлений — с Новым годом, Днем Красной армии, днем рождения. Он ни разу не от-

ветил. Зато недавно пришло письмо от Марии Николаевны. Не мне, а тете Лиде. Мария Николаевна написала, что начинается курортный сезон и я должна ей помогать. А тетя Лида сказала мне, что никуда меня не отпустит, что на все лето я с Леной и Маринкой поеду в деревню гостить у бабушки, мамы дяди Пети. В той деревне живет и моя бабушка. Может быть, папа приедет навестить ее и мы с ним увидимся.

До свидания. Лена».

«Здравствуйте, мама!

У меня вчера был день рождения. Мне исполнилось восемнадцать лет. Неужели Вы совсем забыли об этом?

Я целый день ждала письма или телеграммы, за целую неделю начала ждать. А вечером разревелась. Тетя Лида успокаивала меня, сказала, что я зря жду поздравления день в день, что письма иногда запаздывают. А я потом подумала, что, может, у Вас просто нет моего адреса. Ведь мое письмо могло и не дойти до Вас.

Поэтому и пишу. Если то письмо не дошло, то опять сообщая, что живу у дяди Пети и тети Лиды, адрес Вы найдете на конверте. Я хорошо окончила вечернюю школу и теперь учусь в техникуме.

Ваша дочь Лена».

«Здравствуйте, мама!

Извините, что беспокою Вас, но не удержалась, так захотелось написать.

Я окончила техникум и уже третий год работаю в тресте, куда меня устроил дядя Петя. Три года назад он переехал с семьей в Москву, а я осталась здесь и теперь живу в общежитии.

Недавно узнала, что комсомольцев приглашают на новую стройку в Сибирь. Тамара, моя соседка по комнате, решила ехать.

И я тоже. Дядя Петя, правда, отговаривает. Говорит, что здесь у меня всегда будет работа в хорошем и теплом месте, к Новому году обещали дать даже отдельную квартиру как молодому специалисту, он уже похлопотал. А я все-таки поеду на молодежную стройку. Городок здесь маленький, жизнь тихая, будто все время спишь, — молодежь разъезжается в большие города.

Через неделю мы с Тамарой уезжаем. Сна-

чала — до Днепропетровска, потом — поездом до Москвы, а из Москвы — уже до Иркутска. Сопровождающий нашей группы говорит, что ехать до Иркутска будем целую неделю!

Он уже не первый отряд везет. Я специально у него узнавала, будет ли поезд ехать через Ваш город. Он сказал, что будет и стоять будет долго, минут двадцать. Это на третий день пути, получается 15-го сентября. Мне бы очень хотелось встретиться. Я не знаю точно-го времени, но Вы можете узнать на вокзале, во сколько мы приедем. Вагон четвертый, место шестое. Место сообщила на всякий случай. Я буду стоять около дверей, рядом с проводником, чтобы Вы меня узнали.

Лена».

«Меня беда тчк жду ребенка тчк МН выгнала дома тчк Мама ответ жду телеграммой тчк Лена»

«Здравствуй, мама!

Я бы не беспокоила Вас, но не могу не извиниться за ту давнюю телеграмму.

Не знаю, стоит ли писать о том, что произошло, но раз начала, скрывать ничего не буду. Я проработала в Сибири три года. Иногда было и трудно, и холодно, но всегда весело.

Там были ребята и девчонки из разных городов, многие женились, начинали жить семьями. И у меня был жених. Я так думала.

Он приехал позже меня, уже к весне, и скоро стал ухаживать. Он мне очень нравился.

А если сказать честно — я первый раз по-настоящему влюбилась. Конечно, я ни за что не стала бы с ним общаться, если бы все знала, но я ничего не знала. А он обещал жениться, мы строили планы, где будем жить. Когда он узнал, что я беременна, тут все и открылось. Оказалось, что у него в родном городе жена и маленький сын. Он рассчитался и уехал.

Я была убита этим предательством, почти все ночи ревела. Не представляла, как буду жить в общежитии, в своей комнате, где еще пять девчонок, с младенцем.

Не представляла, как одна справлюсь с малышом.

И я решила уехать. Меня мало трогали насмешки посторонних, но перед кем мне было стыдно — так это перед дядей Петей и тетей

Лидой. Они так много сделали для меня, а я, получается, подвела их...

И хотя мы переписывались, я не сообщила им о своем положении. Поехала домой.

Мария Николаевна не посмела бить меня, но орала и оскорбляла самыми последними словами. Кричала, что я опозорила ее доброе имя, что таким паскудам не место в приличном доме, и не позволила переночевать ни одной ночи.

Папа пытался защитить меня, но Мария Николаевна кричала и на него, упрекала, что он не сумел правильно воспитать дочь.

И что, мол, яблочко от яблоньки недалеко катится. Мать была проституткой, и дочь такая же.

Я тогда ушла к бабе Вере. Может, помните, она живет через три дома вверх по улице.

Она уже очень старая, дед ее умер.

Она пустила меня и даже кормила, а я поливала ей огород и сад. Баба Вера и посоветовала телеграфировать Вам. Я ждала ответа десять дней, больше не могла оставаться.

Мария Николаевна прибежала и к дому бабы Веры и скандалила через забор на всю улицу.

У меня было немного отложенных денег, и я купила билет до Москвы. Решила, что вернуться назад, в Сибирь. В Москве купила билет до Иркутска, но до поезда было больше суток. Ночь я провела на вокзале, не решаясь появиться перед глазами дяди Пети и тети Лиды. И все-таки за несколько часов до отхода поезда что-то повело меня к ним.

Я, наверное, очень везучая. Встретила дядю Петю и тетю Лиду вместе с девчонками около дома, они шли на остановку автобуса, ехали в театр. Опоздай на несколько минут — и стояла бы под закрытой дверью, и неизвестно, как сложилась бы моя жизнь. Тетя Лида, когда увидела меня, очень испугалась.

В театр она не поехала. Слушала меня и долго плакала. А потом сказала, что всякое в жизни случается и надо жить дальше. Что я еще молодая и могу встретить хорошего человека, который полюбит и простит меня.

Сейчас у меня все хорошо. Сына назвала Витюшей. Он Виктор Викторович. Я очень любила его отца. Может быть, хоть в этом Вы поймете меня и не будете осуждать.

После родов я еще год прожила у родных.

И вот уже полгода как живу в Белгородской области. Сюда меня устроил дядя Петя, он здесь часто бывает в командировках на стройке нового комбината. Выхлопотал мне работу, отдельную комнату в общежитии и ясли для Витюши.

До свидания. Лена».

Ольга Сергеевна наизусть выучила эти письма. Теперь они все время лежали на столе. Читала и перечитывала их — с того самого дня, когда билась головой о крышку гроба, не своим голосом кричала: «За что?»...

Давно заготовила чистый тетрадный листок, но так и не решилась написать ни одной строки.

Что она может сказать? О ней ли, обычной женщине, эта история? Девчущки, родившие в пятнадцать лет, иногда бросают дитя в роддоме. Одиночки, без крова и денег, вручают плод нечаянной любви в руки государства... У опустившихся, спившихся матерей забирают детей в детские приюты... А она? Семья, любящий муж... Как она, воспитавшая в добре и любви двоих сыновей, попала в разряд горематерей, кукушек, которым нет прощения?

«Почему?» — этот вопрос не выходил из головы, пульсировал в такт сердцу, заставлял обнажить душу — хотя бы перед самой собой. Почему вдруг собственное счастье стало дороже улыбки родного ребенка? Переступив через жизнь дочери, а потом годами закапывая в суете дней прошлое, была ли она действительно счастлива?

Взгляд Ольги Сергеевны упал на маленькую иконку, которую сунула ей в руки незнакомая старушка на кладбище. Божья мать... Сколько света и нежности в лице, с какой любовью прижалась она щекой к головке младенца!.. Самая трогательная, нерушимая, святая связь. Все причины — новая любовь, другие планы на жизнь, безденежье, отсутствие крова — меркнут перед нею. Материнство — как обет. Нарушив его, предаешь себя. Как поздно пришла к ней эта простая истина...

Закрыв лицо руками, пыталась представить себе эту молодую женщину, свою дочь, к которой хотела обратиться всем сердцем, своей

искромсанной болью душой. Но образ не складывался, все ускользал, уступая место непрошеным воспоминаниям...

...С утра она не находила себе места. Казалось, что все обдумала, все решила, но в назначенный день сердце опять стало рваться на части, и, не в силах успокоиться, она металась по дому. Остановилась перед календарем — нет, больше медлить нельзя. Через пять дней здесь уже будет Василий. А вдруг он вернется раньше? Нельзя медлить. Она присела перед зеркалом, чтобы собрать в пучок свои пышные светлые волосы. Лена, как всегда, подбежала сзади и стала гладить их ладонками, приговаривая:

— Я тоже хочу такие!

— Сколько раз говорить — не трогай волосы грязными руками! — одернула она дочку.

Потом почти бежала вверх по улице, влоча за руку как назло упирающуюся Лену. Баба Вера хлопотала на кухне около керосинки. Она посадила ребенка на табурет около стола.

— Посмотрите, баб Вер, мне в магазин съездить нужно...

Вспомнила, как посмотрела на нее в изумлении баба Вера, как бежала по дорожке вслед дочка, кричала:

— Мамочка, я с тобой...

Ольга Сергеевна вытерла платочком глаза. А платочек так и остался сухой — слез уже и не было. Плакала только душа. Взяла ручку, написала: «Здравствуй, Леночка, доченька моя!»

Лена смотрела на конверт — и не верила. Она наизусть знала обратный адрес, всю жизнь ждала этого письма, а сейчас не верила. Что нужно этой чужой женщине? Через столько лет? Лена попыталась представить ее и удивилась тому, что портрет не получался. Оказалось, что она совсем не помнила ее лица, ни одной черточки. Память сохранила только волосы — светлые, пушистые и длинные. И то, как мать подолгу расчесывала их перед зеркалом, а она любила подойти сзади и гладить ладонками волнистые пряди. «Не трогай волосы грязными руками!» — вот это запомнила хорошо.

Наконец открыла конверт.

«Здравствуй, Леночка, доченька моя!

Трудно мне писать тебе, очень трудно. Только одно слово хочу сказать — прости, тысячи раз просить — прости!

Ты уже взрослая женщина, тебе тридцать лет. А я была девчонкой, когда вышла замуж за твоего отца. Мне только исполнилось восемнадцать. Он был намного старше, прошел войну. Капитан дальнего плавания. Добрый и очень влюбленный. И я вышла замуж. Думала, что стерпится-слюбится. Но не получилось. Уже через две недели Василий ушел в первое плавание. На целых полгода. Я страдала от одиночества, от того, что не нужна ему. Все шесть лет он плавал и плавал, а я была одна, с тобой. Иногда так скручивала тоска, что как собака выла на луну. Лучшие годы пропадали в одиночестве, без ласки и любви.

Федора мне послала судьба. Когда тебе было три года, он первый раз снимал у нас комнату, в тот раз был вместе с другом. Мы влюбились друг в друга без памяти. Потом он приехал на следующий год, уже один, потом еще раз... Не думай, что для меня это было простое решение. В тот его последний приезд я весь месяц металась, много дум передумала. Федор любил меня, звал с собой. Но только меня. А Василий души в тебе не чаял, и я решила, что так будет лучше. Прости, если сможешь.

Прости и за то, что молчала столько лет.

С Федором я хотела начать новую жизнь — отрубить все старое, больное. Лишь один раз написала письмо своей подруге, чтобы узнать, вовремя ли приехал Василий, забрал ли тебя от бабы Веры. Просила ее не давать мой новый адрес, но Василий уговорил ее, разжалобил. Сам ни слова не написал, только твои письма присылал. А потом ты и сама научилась подписывать конверт...

Я была очень счастлива с Федором. Два сына было у нас — Иван и Андрей. Больше всего на свете боялась, что они смогут узнать о моем прошлом, о моем страшном поступке. Редко приходили от тебя письма, но каждый раз за несколько дней я становилась сама не своя. Места себе не находила, все ходила и ходила к почтовому ящику, боялась, как бы не попало письмо в руки сыновей, не открыло мою тайну. И читала я их поспешно, и прятала подальше — не хотела прикасаться к прошлой жизни.

Не знаю, сможешь ли ты меня понять, сумеешь ли простить.

А Бог не простил меня, Леночка. Похоронила я Андриюшеньку. Двадцать два года ему было. Застрелили на охоте. По случайности, шальная пуля попала в голову. Завтра сорок дней».

«Решила, что так будет лучше...» — повторила про себя Лена, в задумчивости складывая и разворачивая письмо.

Было ли лучше? И кто знает, как сложилась бы жизнь, будь по-другому? Раз нет родной семьи, то какая разница, с кем жить — с мачехой или отчимом?

В последние годы Лена научилась радоваться своей судьбе. Все-таки у родни, хоть и дальней, она нашла тепло, понимание, поддержку. У нее есть сын — голубоглазый и белобрысенький Витюшка. Вот он — сидит на диване и ломает грузовик. Ему уже пять, столько, сколько было ей в тот самый день.

Начинался он, наверное, привычно, потому что ничего особенного Лена не помнила. Точкой отсчета на всю будущую жизнь стали минуты, когда мать, уложив волосы в пучок, взяла ее за руку и повела вверх по улице, в дом бабы Веры. Усадила на табурет на кухне и сказала, что идет в магазин. Лена тогда вдруг разревелась, стала сползать с высокого табурета, побежала за матерью — как же так, почему вдруг без нее в магазин? Но та как-то слишком быстро, словно убегая, скрылась за калиткой, даже не обернулась. Лена не помнит, сколько дней она плакала, а баба Вера все кричала — то ли себе, то ли деду своему, то ли всему белому свету:

— Кукушка! Проклятая кукушка! Сбегла-таки с полюбовником, бросила дытыну! — а потом подходила к Лене и гладила ее по голове:

— Ох, накажет ее боженька, ох, накажет!

Почему-то некстати вдруг вспомнился Сергей Иванович — немолодой уже, обстоятельный, спокойный. Целый год он ухаживал за Леной, помогал чем мог — и в магазин сходить, и с Витюшей погулять... Лена даже привязалась к нему и встречала с радостью. Но когда вдруг Сергей Иванович пришел с букетом цветов и сказал, что хочет стать ей мужем и отцом Витюшке, вытолкала за дверь вместе с цветами, велела никогда больше не приходить. Привязан-

ность — это еще не любовь... Как пустить чужого человека в их с Витюшей мир, как делить свое сердце между сыном и еще кем-то?

— Ма-ма! Ма-ма... — Витюша уже давно хныкал, устав дубасить игрушечным молотком по кузову машинки.

— Сейчас, сынок! — очнулась Лена. — Только дочитаю письмо от одной тети...

Она опустила глаза — скатерть под руками была усыпана мелкими, словно конфетти, обрывками бумаги. Ни письма, ни конверта...

Лена подошла к сыну, усадила на колени, прижала к груди. Как маятник качнулась вправо, потом влево, вправо-влево...

Сколько выплакала слез, сколько дней — да что там, лет! — бегала на каждый стук калитки... Надежда, любовь, боль, жалость к себе, обида, непонимание, жажда мести — много чувств прошло через сердце за эти годы. Рождение сына обновило душу. Прижимать его к груди, целовать и баюкать перед сном... Лена не могла представить, что может быть какое-то другое, более великое счастье. А то, что ее мать смогла — так всякие исключения бывают из правила. Вина это или беда?

Письмо всколыхнуло старые чувства. И теперь, качаясь маятником, Лена успокаивала, убаюкивала давнюю, с новой силой обжигающую боль.

Последние строки, как долгое эхо, все звучали в голове. Вот и сбылось предсказание бабы Веры, ох, сбылось... Но вместо мстительного удовлетворения пришло сострадание — к безвестному ей юному Андрюше, к этой чужой женщине с седыми, наверное, уже волосами. Лена еще крепче прижала к себе Витюшу, судорожно задышала в родную макушку, прошептала:

— Не плачь! Мама всегда с тобой!..

— Зачем тебе письмо от чужой тети? — все еще всхлипывая и вытирая рукавом остатки слез, то ли возмущенный, то ли спросил сынишка.

— Так тетя не чужая. Она твоя бабушка. Ну, как у твоего друга Сашки...

— А она испечет мне ватрушки, вкусные, как его баба Таня? — оживился Витюша.

— Не знаю, — честно призналась Лена. — Вот напишем ей вместе письмо...

САШКА

рассказ

Анна сидела на Сашкиной постели и плакала. Нос ее уже побурел и распух, белоснежный платок не единожды взмок, а она все не могла унять слез.

Постель была не прибрана: подушка комком, простыня в ногах задралась, одеяло свисало с дивана. Невыносимо воняло потом и виной: «И почему я так редко меняла ему белье?» — обожгла промелькнувшая мысль. И хотя уже все было навсегда кончено и Анна многие годы страстно ждала этой минуты, когда Сашка исчезнет из ее жизни, именно теперь у нее не поднималась рука навести порядок в комнате. Вымести не только грязь, но и самый дух ее обитателя.

Две недели как увезли врачи Сашку. До этого он несколько дней лежал не вставая, лицом к стенке, что-то мычал, ничего практически не ел и не пил. Когда приехали санитары, принесли носилки, вдруг ожил. Рычал, как дикий зверь, хватался руками за углы шкафа, косяки дверей... Два здоровенных мужика еле справились, еле вывели его и усадили в скорую, а ее трясло от рыданий — до боли было жалко все-таки Сашку.

Господи, как же она ненавидела его! Все эти двенадцать лет! Все эти годы, что он жил в ее доме, в их семье, были для нее как наказание, мука — постоянно терпеть этого человека, нет — получеловека...

Сашка, младший брат мужа, родился дауном. Когда в роддоме «выдали» диагноз, горе для семьи было страшное. Особенно убивалась мать. Врачи из жалости и сострадания

предлагали оставить больного, обреченное на неполноценность дитя. Но материнское сердце не знает предательства. И, словно выплакав со слезами всю горечь души, женщина засоби-ралась с сыном домой.

— Правильно, Любовь Ивановна, делаешь, что не оставляешь дитя на чужие холодные руки, — ловко пеленая младенца, уважительно обратилась к молодой женщине седовласая, сгорбленная годами нянечка. — Божьего человека ты родила, помянешь мои слова. У нас на деревне тоже такой был, так первым человеком почитался, вроде святого — никто его не чурался, каждый поздоровается, поклоняется.

И приехал Сашка из роддома в свой родной дом полноправным хозяином, да еще на особом положении.

Нельзя сказать, что мать любила его сильнее, чем старшего сына, а вот жалела, заботилась о нем уж точно больше. Был Сашка не очень приятен лицом, но зато, как все дауны, ласковым, доверчивым, открытым, неспособным на зло. Во дворе, на улице на Сашку косились, а дома мать буквально осыпала его ласковыми словами и похвалами, словно хотела своей любовью заслонить от неприятия целого мира...

Рано похоронила Любовь Ивановна мужа, в восемнадцать ушел в самостоятельную жизнь старший сын. И осталась она один на один со своим даром Божиим. Стал младший сын для нее теперь не только единственным смыслом жизни, но и утешением от горькой потери, одиночества. Каждую минуту они проводили вместе. Она хлопотала около плиты, а он сидел тут же, за столом. Она все время что-то рассказывала — что видела, где была, кого встретила. Сашка часто смеялся — то ли слово какое казалось ему смешным, то ли просто было тепло и радостно. Телевизор тоже смотрели вместе, и Любовь Ивановна растолковывала ему увиденное, так же и с книжками было. И гуляли вместе. В основном, по соседним магазинам. Вместе несли сумки домой, а во дворе присаживались на полчаса на скамеечку. Жили скромно на две пенсии: ее — по возрасту и его — по инвалидности. Иногда помогал деньгами старший. Но Сашка бытовых трудностей не ведал: всегда был опрятно и хорошо одет, сытно и вкусно накормлен.

Как же мать волновалась за его жизнь! Что

будет с ним, кому он будет нужен, когда кончится ее век? И потому себя не жалела, наизнанку выворачивалась — и добилась почти невозможного: обучила своего больного сына нехитрой грамоте. Мог он прочитать простой текст, мог — хоть и коряво, неразборчиво — написать что-то элементарное.

Так что вырос Сашка почти образованным и очень разумным — можно было не волноваться, что сунет пальцы в розетку в ее отсутствие или подожжет дом. Оставляла ему на столе еду: на тарелке — бутерброды, в термосах чай и суп, сажала перед телевизором — а сама к старшему сыну помогать: родила молодая невестка ей внучку.

И вот совсем занемогло сердце, увезли Любовь Ивановну в больницу, из больницы она не вернулась. И чувствовала, что не вернется. Когда навещала ее невестка, разговор о Сашке даже не начинала, а сыну старшему все же сказала на прощание:

— Отдай его в интернат, не нагружай жену...

— Ты только не волнуйся, мама! Все будет хорошо... — пообещал тот.

Любовь Ивановна с тихой благодарностью погладила его руку и отвела полные слез глаза: какой душевной боли стоили ей эти слова, никому не понять. То ли действительно не хотела нагружать невестку чужой бедой, то ли чувствовала, что Сашке после ее ухода будет уже все одно: что в интернате, что в родной семье?

После похорон муж ни словом не обмолвился о материнском завещании — не посмел предать брата. О смерти матери Сашке сказали аккуратно, осторожно. Он несколько дней был сам не свой: смотрел в одну точку и выл, страшно выл, с такой тоской, что кровь стыла в жилах. А потом... Сколько же было нервов, забот о том же Сашке, бытовых неудобств — и вспоминать не хочется, но получилось в конце концов так, что сделали они сложный обмен и из двух маленьких двушек по окраинам получили одну огромную трешку. И комнаты большие, и потолки высокие...

Всем досталось по комнате: дочери, ей с мужем, Сашке. Гнездышки обустраивали по иерархии: дизайн спальни и девичьей радовал вкусом. У Сашки поставили старую мебелишку из старой квартиры. А может, так и надо? Старое, привычное — оно же греет душу. Да бог с ней, с мебелью!

Стал Сашка как будто бы полноправным членом их семьи, а по сути — никем не стал. Живя с мамой, был он главным человеком в их крошечном мире на двоих. А тут... Племянница, пока была маленькой, странного дядьку побаивалась, когда повзрослела, стало просто не до него. Старший брат и любил, и жалел, но сидеть-то с ним, как мама, не мог — у него ответственная работа от и до. Анна — конечно же, она стала теперь главной для Сашки, и от нее, только от нее, зависела вся его жизнь.

Как же она ненавидела его! Эти жадные шлепки ложки по борщу, эти жирные губы и подбородок во время еды, жадный взгляд, рыскающий по столу в поисках еще чего-то — повкуснее и послаще...

Анна вовсе не была злым или с испорченной душой человеком. Было в ее сердце место и обычной человеческой жалости, и сострадания. Раньше Сашка, толстый, наивный, беспомощный в огромном мире, вызывал у нее смешанные чувства: острую жалость в единении со страшной брезгливостью и даже страхом. Страхом о том дне, когда кончится свекровий век. Так хотелось ей, так надеялась она в душе, что минует ее эта чаша. Что либо свекровь будет жить лет до ста, либо Сашка не окажется долгожителем, ведь для даунов каждый год идет за два.

Не миновала... И теперь, когда он входил на кухню, ее начинало трясти от раздражения, негодования, обиды, вечного вопроса — за что? За что этот камень на ее шее?

Кормила она его, поила. Но особых деликатесов, как свекровь, никогда не припасала, да и вообще со вкусами его никогда не считалась — пусть ест то, что дали. И ел-то Сашка всегда отдельно, тихо, на кухне, тогда как вся семья по вечерам любила собраться за общим столом, за общим разговором. Одевала его Анна, но новой одежды почти не покупала. Донашивал и брюки, и рубахи за старшим братом, порой тесноватые, слегка застиранные, кое-где подштопанные. Обновки случались редко, хотя дармоедом Сашка не был: работал в артели, мастерил картонные коробки, а за сообразительность и знание грамоты даже был назначен мастером в группе, обучал новичков. Обществом своим не нагружал: стоял в

его комнате телевизор — сам включал, смотрел, выключал...

Тяготили Анну даже не физические заботы, а сама Сашкина неполноценность, которую она воспринимала как грех, что-то неприятное и стыдное, что нужно прятать от людских глаз. Только родные и самые близкие друзья знали о положении в семье, неизменно сочувственно качали головами: «Да и за что такое?..»

Но нельзя же запереть свою жизнь под ключ! Хлебосольная, любящая веселые и шумные застолья Анна, бывало, собирала за большим столом и сослуживцев, и многочисленных знакомых. Сашке в такие вечера давался строгий наказ из комнаты не выходить. Каких нервов стоили Анне эти дружеские встречи — не передать. Словно сидела она на пороховой бочке. Не обманули ее страхи. Однажды во время чаепития дверь зала вдруг распахнулась. На пороге стоял Сашка — толстый, с пунцовыми щеками, бессмысленным взглядом маленьких, сбитых к переносице глазок. Рубашка застегнута на одну пуговицу, тренировочные штаны висят на коленях пузырями... Гости в смятении разом замолчали, Анна готова была провалиться от стыда, а Сашка невозмутимо подошел к столу. Увидев на блюде высокий, украшенный кремовыми башенками торт, протянул обе руки над головами сидящих, просто сказал:

— Я тоже хочу.

Анна помнит, как кто-то стал искать на столе чистую тарелку, кто-то — отрезать кусок торта...

Веселье вскоре подошло к концу. Прощаясь, некоторые из гостей прятали глаза. Анна в гневе ворвалась в комнату к Сашке.

— Я же сказала! Не выходить!

Тот смотрел не мигая, только и ответил:

— Дай еще...

— Лучше бы я отдал тебя в приют, как велела мама, — тихо прошептал за спиной Анны муж, пришедший то ли заступиться за брата, то ли успокоить жену.

— Что? Что?

Анна повернулась к мужу. Как, как он смел нагрузить ее таким? Да ничего ей не нужно, лишь бы не было Сашки рядом. И никакая квартира ей не нужна! Она готова была ударить, растерзать, убить мужа, но, как безумная, только потрясала в воздухе кулаками, изрыгая обрывки фраз.

Не на шутку испуганный ее состоянием, муж побежал на кухню за успокоительным.

— Ну не могу, не могу я его любить, принять!.. Умру, наверное, раньше него, — разрыдалась обмякшая после лекарства Анна.

Случилось так, что исчез вдруг Сашка. Просто не вернулся с работы. Искали его по дворам, заходили в артель, заявили в милицию... Две недели ждали или его самого, или известий о нем, а потом... Как она расслабилась, вдохнула полной грудью. Казалось, что воздуха в доме стало больше и стал он чище... С работы не шла, а летела домой и, не выдавая своих чувств родным, ликовала, пела душой. А через два месяца нашелся Сашка, сам пришел домой, грязный, потрепанный, похудевший. Муж заулыбался, вздохнул облегченно, дочка ласково поздоровалась с дядькой. Одна она не смогла сдержаться слез, а чтоб не видел никто, заперлась в ванной и билась в истерике.

Оказалось, что обитал Сашка у какого-то дружка из соседнего двора, одинокого забуддыги. О чем они говорили, что ели-пили, чем занимались — Анну не интересовало. Возмутил Сашкин — слабенький такой — но протест:

— А что? Что хочу, то и делаю. Может, я еще и женщину приведу!

— Он еще издевается надо мной! В гроб меня хочет вогнать! — кричала она родне.

И опять потянулось это наказание, эта тихая пытка, когда капелька воды — да по темечку...

На кладбище и во время скромных поминок Анна рыдала так, будто хоронила родного сына.

— Будет, Аннушка, — попытался успокоить ее муж. — Ты же...

Он вдруг осекся и поспешил на кухню — считать капли в рюмочку.

Вот, казалось, кончились слезы. И вспомнилось опять, как уводили Сашку, как выл он и цеплялся руками за мебель... И не за мебель вовсе, а за свою жизнь.

Только сейчас, сидя в пустой комнате, на грязной постели, Анна вдруг поняла, призналась себе в сокровенном: ненавидела она Сашку за самую себя — за свою нелюбовь к нему, больному, за свою жесткость, брезгливость, жалобы...

Кем и зачем он послан был ей? Только сейчас задумалась над глубинным этим вопросом, и будто током ее потрянуло — а вдруг неспроста? Вдруг не камнем на шее, а замковым камнем в храме ее жизни?.. Бывает ведь так — смотришь на дом, и какая-то деталь в нем кажется такой лишней, даже уродливой. А убери ее — рухнет все здание, потому что задумана она была как главная, опора.

Как тонко все, зыбко в этой жизни! А она не берегла, не чтילה, пинала свой берег.

И ей стало страшно.

□

Марина Петровна РЯБОЧЕНКО

окончила Московский полиграфический институт.

Журналист.

Более 20 лет проработала в московских СМИ.

Пишет прозу.

Автор книг «Записки из музыкального магазина»,

«Рассказы о Маринке», «Я работаю риелтором»,

«Здравствуй, Тунис!».

Публиковалась в журналах «Смена», «Южная звезда»,

«Изящная словесность».

Член Российского союза профессиональных литераторов.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

